

К. И. Зубков

КАМЕРАЛИЗМ КАК МОДЕЛЬ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА: НОВОЕ ПРОЧТЕНИЕ

Среди экономических и социально-философских учений, идейно подготовивших переход Европы к капитализму, пожалуй, самое незавидное место было уготовано историей камерализму. Автор самой полной и до сих пор единственной обстоятельной публикации о камерализме, впервые вышедшей в 1909 г., американский ученый Альбион Смолл назвал камерализм «потерянной главой в истории социальных наук».¹ Камерализм всегда оставался на обочине представлений об интеллектуальном мейнстриме эпох позднего Ренессанса и Просвещения, возможно, потому, что, почти не затронув своим влиянием страны раннего капитализма (Англию, Голландию, Францию), он с трудом находил себе место и в бурно развивавшейся, бесконечно разветвлявшейся в то время классификации наук. В позднейшее время он часто рассматривался (не вполне, впрочем, верно) как специфически германская, узконациональная разновидность экономической философии меркантилизма,² но такая, которая, как выясняется, не отводила экономике первостепенного значения. На этом основании вряд ли будет правильным считать камерализм сугубо или преимущественно экономическим учением. Йозеф А. Шумпетер, проявляя то снисходительное, то подчеркнуто серьезное отношение к творчеству авторов-камералистов, осторожно определял их вклад в историю экономической мысли как разработку «основ экономического управления и экономической политики», отрицая какое-либо значение камерализма в

области политической экономии.³ Но и такая характеристика камерализма (как и вообще всякая попытка провести его только по «ведомству» экономики) будет не вполне адекватной.

Дело в том, что представители камерализма на каждом шагу демонстрировали, осознанно или безотчетно, стремление к выходу за рамки узких хозяйственных вопросов и к разработке всеобъемлющей теории общества, правда также понимаемого в своеобразном немецком духе — дисциплинированного, благоустроенного, до мелочей регламентированного, жестко скрепленного «арматурой» германской административной системы. Несмотря на это претенциозное стремление камерализма быть «теорией всего», тщетно было бы искать в нем черты какой-то определенной и стройной теоретической системы.⁴ Он целиком вырос на почве тех специфических условий места и времени, которые характеризовали развитие германских государств XVII–XVIII вв., более конкретно — как преимущественно механическое обобщение крупиц тривиальной административной мудрости, сугубо эмпирической, прихотливо подстраивающейся под обстоятельства практики финансового управления камеральным — дворцовым и государственным — хозяйством.⁵ (Учитывая размеры многих тогдашних германских *Kleinstaaten*, эти формы организации хозяйства часто мысленно

¹ Small A. W. *The Cameralists: The Pioneers of German Social Polity*. Kitchener, Ontario, 2001. P. 4.

² Этот взгляд на камерализм отражен практически во всех российских — остающихся весьма редкими — публикациях, рассматривающих национальные разновидности меркантилизма. См., напр.: Майбурд Е. М. Введение в историю экономической мысли. От пророков до профессоров. М., 1996. С. 82; История экономических учений. М., 2001. С. 32–34; Гловели Г. Д. История экономических учений. М., 2011. С. 76–80.

³ Шумпетер Й. А. История экономического анализа: в 3 т. СПб., 2004. Т. 1. С. 202.

⁴ Вопрос о теоретических истоках камерализма до сих пор не получил однозначного ответа. Как на одно из наиболее ранних его предвосхищений указывают на идеи византийского философа-неоплатоника середины XV в. Георгия Гемиста Плифона (1355–1452), познакомившего Западную Европу со своим учением о принципах совершенного государственного управления, применяемых по отношению к тем разрядам общества (земледельцы, ремесленники, торговцы, воины), от которых зависит благосостояние и безопасность империи. См.: Георгий Гемист Плифон. Речи о реформах // Византийский временник. М., 1953. Т. 6. С. 386–414.

⁵ Отсюда и само название этого направления мысли (от нем. *Kammer* — дворцовая казна, казначейская палата). Смолл связывает возникновение термина с имперской реформой Максимилиана I Габсбурга — планами создания целого ряда общенеперских учреждений (*Reichskammer*), которые, правда, ограничились лишь учреждением имперской судебной палаты (*Kammergericht*) в 1495 г. См.: Small A. W. *Op. cit.* P. 19.

сливались, оправдывая применение к ним единых методов управления.)

Определяя содержание камералистского учения, правильно было бы рассматривать его, вслед за Вернером Лахманом, как совокупность практически ориентированных административных и экономических знаний по ведению государственного хозяйства,⁶ отводя знанию регламентов и приемов администрирования роль интегратора всевозможных направлений такой деятельности, а экономике — в виде построения и функционирования идеально-образцового автономного хозяйства — роль ее смысла и конечной цели. Именно в этом качестве камерализм со временем обрел и свою нишу в классификации научных знаний, превратившись в камеральную науку (Kammeralwissenschaft) — специальный цикл административных, экономических, а отчасти и технических, правовых, исторических дисциплин, которые с 1727 г., со времени основания в университетах Галле и Франкфурта-на-Одере первых кафедр камералистики, стали преподаваться во многих европейских (преимущественно германских) университетах. В этой своей образовательно-педагогической ипостаси камерализм стал трактоваться как профильная подготовка «образованных правительственных чиновников, способных наилучшим для казны образом управлять отдельными отраслями: извлекать доходы из природных ресурсов, совершенствовать ремесла, упорядочивать состояние финансов».⁷

Преимущественно опытное происхождение камеральных знаний определило и то, что большинство выдающихся писателей-камералистов были одновременно на удивление разносторонними практикующими администраторами, активными участниками всевозможных реформ, проводимых германскими государями. Файт Людвиг фон Зекендорф (1626–1692), виднейший из ранних камералистов, сделал блестящую карьеру — от хоф-юнкера и суперинтенданта библиотеки герцога Саксен-Готского Эрнста Благочестивого до его канцлера, затем занимал должности канцлера и президента консистории у владельца герцогства Саксен-Цейц Морица, а закончил свои дни канцлером университета в Галле.⁸ Жизнь другого выдающегося писателя-

камералиста — Иоганна Иоахима Бехера (1635–1682) — вообще напоминает авантюрный роман. Он искал алхимические способы добычи серебра и золота, занимался устройством различных мануфактур в Маннгейме, вместе с курфюрстом Баварии организовывал германскую колонию в Гвиане, преподавал медицину и врачевал при дворе курфюрста Майнцского, был коммерц-советником при венском дворе, где ведал организацией шелковых мануфактур, создал в 1673 г. в Вене, при императорском дворце, знаменитый «Мануфактурный дом» (Manufakturhaus), пытался наладить промывку золота из дунайских песков, предпринял ряд коммерческих начинаний в Голландии и Англии.⁹ Один из самых плодовитых и глубоких мыслителей-камералистов, Иоганн Генрих Готлиб фон Юсти (1717–1771), занимался издательским делом, адвокатурой, был советником герцогини Саксен-Эйзенах, преподавал в венском Collegium Theresianum, одновременно занимаясь организацией налоговой службы и горных промыслов в Австрии, был полицай-директором в Гёттингенском университете, служил советником датского короля по горному делу, затем берггауптманом при прусском дворе в Берлине.¹⁰

Эта всеядная предприимчивость и эрудиция, немислимо широкий круг научных штудий и практических обязанностей, которые приходилось выполнять светилам камерализма, вероятно, не могут считаться бесспорным свидетельством сопутствовавших им непрерывных успехов, основанных на безошибочном образе действий и вере в собственные рецепты. Недавно опубликованная монография Андре Уэйкфилда, явно полемизируя с позитивной оценкой камерализма, высказанной в свое время Марком Раевым,¹¹ заостряет важную проблему соотношения доктрины камерализма и его финансово-административной практики, констатируя в итоге существенный разрыв между «камерализмом книги» и «камерализмом контор».¹² Автор склоняется к мысли, что образ «хорошего правления», созданный литературой камерализма (включая сочиненные камералистами обтекаемые формулировки законов), являлся лишь

⁹ Ibid. P. 95, 96.

¹⁰ Ibid. P. 240–243.

¹¹ См.: Raeff M. The Well-Ordered Police State: Social and Institutional Change Through Law in the Germanies and Russia, 1600–1800. New Haven, 1983.

¹² Метафорическая оппозиция, введенная в оборот Смоллом. См.: Small A. W. Op. cit. P. 10.

⁶ См.: Лахман В. Экономика народного хозяйства: Основы и проблемы: пер. с нем. М., 2008. С. 60.

⁷ Гловели Г. Д. Указ. соч. С. 79.

⁸ См.: Small A. W. Op. cit. P. 60, 61.

интеллектуальной ширмой, прикрытием всех зол, сопутствовавших нравам абсолютистских дворов: беззастенчивых, мало считавшихся с нуждами населения приемов пополнения княжеской казны; стяжательства придворных и университетских должностей; провального прожектёрства.¹³ Вероятно, Уэйкфилд в чем-то прав, констатируя для камерализма если не полный разрыв, то известный зазор между теорией и жизнью. По крайней мере, превратности личной судьбы и карьеры некоторых творцов камералистской доктрины свидетельствуют о том, что они в своей практической деятельности либо не во всем следовали своим собственным теориям, либо не всегда приходились с ними ко двору. Бехер после своего краткого венского триумфа впал в немилость и вынужден был скрыться в Голландии, откуда продолжавшиеся преследования заставили его перебраться в 1680 г. в Англию. Результаты финансово-административной деятельности фон Юсти в Берлине стали предметом судебного расследования, по итогам которого он был заточен в 1768 г. в тюрьму. Там его, тщетно пытавшегося добиться пересмотра приговора, через три года настиг апоплексический удар.¹⁴

В то же время Уэйкфилд явно преувеличивает эклектизм и безжизненность камералистских теорий, считая, что как «профессиональный класс» они вымерли, не найдя продолжения ни в одной из ветвей современного научного знания.¹⁵ Тем не менее, некоторые современные экономисты, социологи и политологи претендуют на то, чтобы безраздельно приписать своей науке наследие камералистов, хотя их притязания во многом бессмысленны. Вместе с тем не лишено смысла прояснение вопроса о содержании камералистской доктрины.

В свое время Смолл, критикуя притязания экономистов немецкой «исторической школы» на наследие камерализма, определил, кажется, единственно верную перспективу его содержательной оценки, предложив выяснить, что являлось специфической целью и смысловым стержнем этого учения, его референтным интересом, который определял интерес и ко всему остальному. Призывая избегать попыток прикладывать к научным

знаниям XVII–XVIII вв. современные классификации наук, Смолл пришел к выводу, что камерализм с большим основанием может считаться «теорией и практикой не экономики, а политики» (если понимать политику не узко как сферу борьбы за власть, а в аристотелевском духе как всеобщую организационно-регулятивную сферу общества) и что в центре теоретического интереса камералистов всегда стояло государство во всем многообразии его проявлений и проекций на социальную действительность. Синкретизм камерального знания прямо вытекал из многозначности понятия «государство» и многообразия его функций.¹⁶ Отсюда, по мнению Смолла, может быть выведено самое первое и строгое определение камералистики как всеобщей «государственной науки» (Staatswissenschaft, а в практическом приложении — как «искусства управления государством», Staatskunst), которая была для XVII–XVIII вв. едва ли не самой зрелой формой политического мышления. По отношению к «сверхзадаче» камерализма — всеобъемлющей «систематизации политики» в соответствии с самыми передовыми научно-рациональными принципами и идеями своего времени (такими, например, как теория естественного права) — экономическая наука выступала лишь как «подчиненный и подсознательно учитываемый фактор». Смолл крайне невысоко оценивал экономическую составляющую камерализма, подчеркивая, что его приверженцы, в целом, не доросли до понимания экономики как «независимых общественных отношений, развивающихся безотносительно к формам правительств, при которых они существуют». Экономические выкладки камералистов, по его мнению, являлись «просто фольклором домашней бережливости», а не критическим анализом экономических отношений общества.¹⁷

Заметно выше по шкале достижений Смолл ставил социально-теоретическое содержание камерализма. По его мнению, специфически камералистское понимание сущности абсолютистского государства неотделимо от провозглашавшегося его конечной целью достижения «общественного блага» (Gemeinwohl), которое должно обеспечиваться максимизацией государственных доходов и соответствующим ростом благосостояния

¹³ См.: Wakefield A. The Disordered Police State: German Cameralism as Science and Practice. Chicago, 2009. P. 138.

¹⁴ См.: Small A. W. Op. cit. P. 96, 243.

¹⁵ См.: Wakefield A. Op. cit. P. 15.

¹⁶ См.: Small A. W. Op. cit. P. 8, 9, 19.

¹⁷ Ibid. P. 32.

государства. Всякое иное благосостояние — словесный, профессиональных групп, семейств, индивидов — предстает как нисходящая на общество эманация «государства благосостояния» (Wohlfahrtsstaat). При кажущейся широте взгляда на государство именно это специфическое понимание его социального предназначения, как считал Смолл, сужало предметную сферу камералистики до «техники и теории администрирования *определенного* типа государства в обществе, сконструированном на основе *особого* типа целей» (курсив мой — К. З.), делая ее чисто немецким социальным изобретением.¹⁸ В этом качестве камеральная наука фокусировалась на задаче теоретического осмысления государства как воплощения всеобъемлющего казенного эвдемонизма, обретая вместе с этим и новые наименования — «полицейская наука», «всеобщая политическая наука», Polic(z)eywissenschaft.

Обратившись к творчеству фон Юсти и Йозефа фон Зонненфельса, самого выдающегося из поздних австрийских камералистов, Смолл уделил большое внимание реконструкции концепта Policey как квинтэссенции социальной доктрины камерализма. Policey — это наука, занятая поиском путей, ведущих к «высшему общественному благу» (das gemeinschaftliche Beste) как к конечной цели и смыслу всех государственных институтов; «наука, имеющая своей целью постоянное поддержание благосостояния отдельных семей в точном соответствии и пропорции с высшим общественным благом» (Юсти), наука «обеспечения и поддержания внутренней безопасности общества», которая посредством правильного законодательства искореняет и предотвращает всё, что противно природе общественного блага и препятствует его достижению (Зонненфельс). Наука Policey ведет к постоянному воспроизводству и приумножению «общих средств» (Vermögen) государства, всеми мерами способствует благоустроенной жизни и росту поддерживающих ее материальных (прежде всего продовольственных) ресурсов (Nahrungsstand).

Специализируясь сообразно функциям государственного организма, камерализм к середине XVIII в. уже мыслится в виде целого цикла наук. Некоторые из них (Finanzwissenschaft и Commercienswissenschaft

у Юсти, Finanzwissenschaft и Handlungswissenschaft у Зонненфельса) сосредоточиваются на управлении финансами, торговлей, промышленностью и ремеслами (следуя в основном принципам меркантилизма), а также на технике общего администрирования. Policeywissenschaft же в ряду камеральных наук занимает особое место: на уровне мышления XVII–XVIII вв. она ярко воплощает идеал «социального государства», выступая, по сути, аналогом современной социальной политики, но в то же время вбирает в свой специфически социальный фокус все основные компоненты камералистской доктрины — законотворчество и администрирование, нацеленные на усовершенствование государственных институтов и поддержание в обществе дисциплины и порядка (Zucht und Ordnung); политику поощрения промышленности и земледелия; меры по увеличению производительных сил государства (Kräfte), стимулирующие рост численности населения, направленные на обеспечение его здоровья и благосостояния, на качественное улучшение рабочей силы, на развитие всевозможных талантов и умений.¹⁹

Не без оснований полагая, что дух и смысл камерализма воплощен прежде всего в его социальной политике, Смолл выделил два наиболее ценных аспекта этого учения, имевших, по его мнению, важные исторические последствия. Это, во-первых, реализуемый не лучшими средствами, но, тем не менее, последовательно проводимый в жизнь примат «коллективных интересов над индивидуальными» — идеал, к которому в начале XX в., после длительной эпохи господства рыночного индивидуализма, в той или иной степени обратились все западные «демократии»; во-вторых, принципиально новая социетальная проекция путей и методов достижения экономического прогресса, логика которой опосредует создание основ «национальной экономики» «созданием государства» и «тотальной трансформацией общества и его организации». Смолл полагал, что рациональное зерно камерализма заключается не в щедро рассыпанных по трактатам его приверженцев меркантилистских рецептах (торговый баланс, протекционизм, бульонизм), но в социальной политике, которая в долговременной перспективе была нацелена на превращение

¹⁸ Ibid. P. 19.

¹⁹ Ibid. P. 369, 370, 371, 381, 383, 384, 425.

«политического сообщества в экономическое».²⁰ В этом отношении оценка Смолла, впервые высказанная еще в 1909 г., глубже и пронизательнее многих современных — особенно тех, которые исходят из лагеря экономистов-либертарианцев и видят в камерализме только «крайнюю форму меркантилизма», разросшийся до невероятных размеров патернализм, неумеренный государственный интервенционизм, «подчинение всех составляющих экономики и политики государству и его бюрократии».²¹ В то же время оценка Смолла удивительно созвучна тому, что пишет Пьер Шоню, обсуждая влияние идеологии Просвещения на страны Центральной и Восточной Европы: «Возврат мысли к экономике происходит через социальную структуру. <...> Просвещенный деспотизм на короткий срок укрепляет новые социальные структуры. И, способствуя распространению знания (в первую очередь элементарной грамотности), торгуя и развивая коммуникации, он подготавливает долгосрочные изменения общественных связей».²²

Шумпетер высказал несколько иную — более сдержанную и узкопрофессиональную — точку зрения на камерализм. Он проявил равнодушно-ироничное отношение к стремлению камералистов подвергнуть мелочной правительственной регламентации все стороны общественной жизни (включая домоводство, пожарную охрану, правила поведения и ношения одежды), видя в этом прообраз несбыточного «принципа всеохватывающего государственного планирования». Шумпетер находил также бесконечно схоластичными попытки камералистов примирить центральный для философии естественного права принцип абсолютной свободы индивида с необходимостью повиноваться «законам и предписаниям бюрократии» посредством тезиса о «разумности» государства. Однако, критикуя социально-политические аспекты учения камералистов, Шумпетер, в отличие от Смолла, полагал, что как раз в области экономики они, не имея целостного политэкономического учения, все же высказали ряд конструктивных идей. Анализируя взгляды фон Юсти, он до-

казывал, что камерализм отнюдь не был чужд пониманию «внутренней логики экономических явлений» и не сводился к проповеди полной хозяйственной автаркии или отрицанию свободы предпринимательства. В вопросах регулирования ремесленной деятельности, внешней торговли, занятости населения практика камерализма, по Шумпетеру, скорее, предстает как система осторожной и расчетливой адаптации к принципам *laissez-faire*, в ходе которой вездесущее присутствие бюрократии должно было надежно страховать риски и провалы свободной предпринимательской инициативы. Шумпетер считал, что фон Юсти, предвидя рост безработицы в процессе механизации производства и возлагая на правительство ответственность за создание новых рабочих мест, в этом вопросе «был ближе к истине, чем Адам Смит» с его апологетикой принципа *laissez-faire*.²³

По сути, Шумпетер, причислив камералистов к отдаленным предшественникам институционализма в экономике, положил начало набирающей силу тенденции переоценки исторического значения камерализма и его конкретного вклада в развитие экономической теории, которая сегодня, как правило, уже не мыслится в отрыве от ее социально-институционального контекста. Помимо такой общепризнанной ценности, как социальное государство, современные исследователи находят все больше оснований считать камерализм провозвестником целого ряда перспективных экономических идей. Изабел Халл, анализируя общий для камералистов антимальтузианский по своей направленности тезис о благодетельности роста численности населения для развития государства, фокусирует внимание на идеях И. И. Бехера, который доказывал, что многочисленное, образованное, живущее в достатке население, являясь источником роста потребления, создает самую надежную основу для развития земледелия, ремесел и торговли. Попечение государства о достойной жизни всех сословий, таким образом, становится не проявлением филантропии, но прагматичным средством приумножения «общего блага».²⁴ Вполне очевидно, что взгляды Бехера в основных чертах предвосхищают кейнсианскую теорию внутреннего спроса.

²⁰ Ibid. P. 25, 29.

²¹ Rothbard M. N. Who Were the Cameralists? // Mises Daily. 2012. March 6. / Ludwig von Mises Institute. URL: <http://mises.org/daily/5901/> (дата обращения: 10.06.2013).

²² Шоню П. Цивилизация Просвещения. Екатеринбург; М., 2008. С. 403, 404.

²³ Шумпетер Й. А. Указ. соч. С. 217–220.

²⁴ Hull I. V. Sexuality, State and Civil Society in Germany, 1700–1815. Ithaca, 1996. P. 159.

Ричард Вагнер в блестящей статье, посвященной взглядам камералистов на фискальную политику и государственные финансы, убедительно доказывает, что их социально-ориентированные подходы к структурированию государственных доходов и к проблеме налогообложения (идеи ограничения и понижительной динамики налогового бремени, предпочтительности косвенных налогов и т. п.) оказываются удивительно современными. Автор полагает, что идеи камералистов открывают перспективу оптимизации публичных финансов на основе комплексного учета экономических, социальных, политических, административно-юридических факторов и применения «теории выбора». «Посткамералистская» модель организации государственных финансов, дополненная демократическим консенсусом между участниками фискального процесса, как считает Вагнер, согласуется, как никакая другая, с магистральным направлением современных теоретических поисков в этой области.²⁵

Румынский исследователь Адриан Михалаке, считая камерализм XVIII в. достаточно чуждым логике индустриального капитализма, в то же время обнаруживает в нем целый ряд опередивших свое время идей, позволяющих видеть в нем концептуальный прообраз постиндустриальной «экономики знаний»: 1) признание решающей роли «человеческого капитала» (в его демографическом и креативном аспектах) в прогрессе разделения труда и в развитии новых форм производства; 2) виртуальный подход к диагностике и калькуляции эффектов и рисков согласованного управления публичной сферой, объектами корпоративной и частной собственности; 3) идею возможности построения тотальных систем социального контроля и безопасности, которые были несбыточным идеалом во времена камералистов, но вполне осуществимы с помощью современных информационных технологий.²⁶

Порождаемое такой разностью оценок представление о внутренней противоречивости камерализма, сочетавшего в себе охранительный консерватизм и самый смелый

социальный конструктивизм, вынужденно-го балансировать между экономикой и политикой, филантропией и хозяйственным прагматизмом (не говоря уже об интересах восходящих и сдающих позиции социальных классов), следует считать все же преувеличенным. Возможно, именно различие концептуальных ракурсов, с которых оценивался камерализм, и заставляет видеть в нем довольно эклектичный продукт разнообразных исторических влияний. Между тем практически все исследователи прямо или косвенно соглашались с тем, что камерализм явился органичным порождением эпохи становления абсолютистских государств (XVII–XVIII вв.) и что все его характерные, в том числе амбивалентные, черты восходят к единому комплексу исторических условий данной эпохи. Остается выяснить, чем же была в истории Европы эпоха абсолютизма.

Унаследованный от марксизма взгляд на эпоху абсолютизма как на переход от феодального средневековья к капитализму представляется сегодня не вполне адекватным. В историографии уже предложены подходы к вычленению эпохи абсолютизма в качестве особой, относительно самостоятельной фазы всемирно-исторического развития. Так, И. М. Дьяконов между средневековьем и капитализмом поместил особую — постсредневековую — фазу «стабильной абсолютистской монархии».²⁷ Попытку обосновать этот шаг, однако, нельзя признать вполне удачной: уделяя главное внимание развитию экономических форм, автор рассматривает социальный порядок абсолютизма, по сути, как дуальную структуру, отражающую два типа базовых социальных противоречий — «землевладельцы — земледельцы» и «буржуазия — класс наемных рабочих». Автор не слишком далеко отходит от марксистского понимания абсолютизма, полагая, что задачей «нового, стабильного государства стало обеспечение равновесия между теперь уже четырьмя классами постсредневекового общества».²⁸

Между тем в свое время Шумпетер убедительно показал, что уяснение факторов и внутренних мотиваций развития любой общественной системы не может слишком отклоняться от ее самореференции. Он находил вполне естественным, что теоретическим стержнем

²⁵ См.: Wagner R. E. The Cameralists: Fertile Sources for a New Science of Public Finance // Handbook of the History of Economic Thought: Insights on the Founders of Modern Economics. N.Y.; Dordrecht; Heidelberg; L., 2012. P. 123–136.

²⁶ См.: Mihalache A. Cameralism — Its Relevance for the Knowledge Based Society // Masaryk Journal of Law and Technology. 2008. № 2. P. 201–207.

²⁷ См.: Дьяконов И. М. Пути истории: От древнейшего человека до наших дней. Изд. 2-е, испр. М., 2007. С. 152–204.

²⁸ Там же. С. 153–155.

камерализма стал концепт государства, поскольку доминирующей самореференцией абсолютизма как эпохи становления централизованных национальных монархий — тем, с чем ассоциировалось их могущество и богатство, — являлось вооруженное и хорошо управляемое государство, а не экономика как таковая. Это, по Шумпетеру, накладывало характерный отпечаток и на экономические учения эпохи (меркантилизм, камерализм), которые были далеки от «политэкономического» понимания общества, сосредоточенного на хозяйстве, и ставили во главу угла именно интересы государства. Карл Шмитт в своей книге, посвященной Гоббсову «Левиафану», отмечал, что в Европе раннего Нового времени самой значительной, захватившей умы современников идейной революцией с далеко идущими социальными последствиями стало именно утверждение рационалистической концепции «абсолютного» государства как «технически совершенного *magnum artificium*, машины, которая находит свое “право” и свою “истину” только в себе самой, в своей функции и ее результатах» и отличается сочетанием «высшей техничности и высшего авторитета».²⁹

Очевидно и то, что бюрократически управляемые государства, располагавшие гигантскими фискальными ресурсами, многократно превосходили по экономическим возможностям зарождающийся частный капитал. Вагнер объясняет этим упорно отстаиваемый камералистами тезис о необходимости самостоятельной экономической деятельности абсолютистского государства, которое мыслилось не стоящим над экономической жизнью общества, но функционирующим внутри нее. Государственное хозяйство должно было не только служить главным источником доходов самого государства, но и обеспечивать возможность проведения щадящей фискальной политики в отношении непривилегированных сословий.³⁰ Разделявшаяся камералистами со времен Зекендорфа мысль о предпочтительности косвенных налогов (акцизов), позволяющих распространить фискальное бремя на привилегированные сословия, меньше затрагивая доходы непривилегированных,³¹ довершает образ

продуманной, тонко настроенной, в меру «социализированной» государственной системы, которая не только существует за счет налогов с населения, но и способна поощрять частные накопления.

Это не единственная и даже не самая существенная завязка «симбиотических» социальных связей, характерных для абсолютистских государств. Шумпетер доказывал, что временное совпадение эпохи становления национальных государств с восходящей фазой развития капитализма было до известной степени случайным. По его мнению, капитализм столкнулся с обществом «необычайно сильной социальной структуры», и изживавший себя феодализм не обязательно открывал дорогу капитализму, поскольку у власти еще долгое время оставались «вооруженные классы, управляющие феодальным обществом», которым удавалось «присваивать большую часть нового буржуазного богатства». Это был «феодализм на капиталистической основе, военно-аристократическое общество, кормившееся за счет капитализма, своего рода симбиоз», применительно к которому нельзя говорить ни о контроле со стороны буржуазии, ни о значительном увеличении ее общественного веса. Политическая природа этого общества — «не буржуазная ни по духу, ни по природе». Более того, как подчеркивал Шумпетер, оставаясь основой социальной системы абсолютистских государств, монархия и землевладельческая аристократия культивировали свои собственные — «милитаристские» — способы решения проблем, которые далеко не всегда отвечали логике капиталистического развития.³²

Фактически Шумпетер с этой критикой упрощенных взглядов на абсолютизм выходит на более широкие историко-социологические обобщения, доказывая, что эволюционирующий институт государства следует рассматривать как самостоятельный, обладающий собственной логикой фактор общественно-исторического развития. Эта «автономность» развития государства проявляется в том, что смена его форм может быть совершенно не связана жестким образом с фазами экономической эволюции. С. А. Котляревский, например, отмечал, что идея «абсолютного полицейского государства с крепкой централизацией и развитой бюрократией» возникла очень рано и исторически связана с

²⁹ Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса / пер. с нем. Д. В. Кузницына. СПб., 2006. С. 172, 173.

³⁰ См.: Wagner R. E. Op. cit. P. 129–131.

³¹ См.: Шумпетер Й. А. Указ. соч. С. 215.

³² Там же. С. 183.

гибеллинской политической традицией. Пронизывающее ее представление о государстве как институте всеобъемлющего социального контроля и одновременно служения обществу нашло свое выражение и в Дантовом трактате «О монархии», и в Мельфийских «конституциях» (1231) Фридриха II Гогенштауфена, которые, в свою очередь, явились рецепцией римской имперской традиции.³³ Возможность же «прорыва» этагизма на роль ведущего фактора развития, вероятно, в большей степени подготавливается эволюцией самого института государства (развитием бюрократии и достижением технической возможности осуществления полного контроля над обществом), чем чисто экономическими причинами. Следует также с осторожностью отнестись и к отправному тезису концепции Раева — к объяснению феномена «просвещенного деспотизма» в странах Центральной и Восточной Европы социальным давлением, которое оказывал на «старые режимы» «восходящий средний класс».³⁴

Меньше всего этот тезис может быть отнесен к условиям возникновения камерализма в обезлюдивших после Тридцатилетней войны германских государствах, где ограбленные и деморализованные сословия объективно не были способны оказать никакого давления на княжескую власть, обретшую в результате Вестфальского мира 1648 г. полновесный суверенитет. Германский камерализм возник в специфических геополитических условиях, когда ожесточенная межгосударственная конкуренция поставила скованные земельной теснотой и дефицитом людских ресурсов, отрезанные от заморской торговли миниатюрные германские государства в предельную ситуацию выживания. Интерес камералистов к мерам умножения населения, их взгляд на человека как на «чистого» производителя (который больше производит, чем потребляет) и как на самый ценный «капитал» государства тоже возникли в специфических условиях острой конкуренции германских князей за дефицитную рабочую силу. Эти же условия хорошо объясняют и их патерналистскую заботу о благосостоянии подданных.³⁵

³³ См.: Котляревский С. А. Власть и право. Проблема правового государства. М., 1915. С. 196, 210–211.

³⁴ Raef M. The Well-Ordered Police State and the Development of Modernity in Seventeenth-Eighteenth-Century Europe: An Attempt at a Comparative Analysis // *American Historical Review*. 1975. Vol. 80, № 5. P. 1221.

³⁵ См.: Wagner R. E. Op. cit. P. 129–131.

Все эти специфические условия потребовали внутренней трансформации и мобилизации политических ресурсов государства с целью осуществления всеобъемлющей и эффективной реконструкции общества — по сути, единственного, в терминах современной экономики, сравнительного преимущества, каким располагали германские князья. Принципы этой внутренней перестройки были намечены уже в классическом произведении камерализма — «Немецком княжеском государстве» (1656) Зекендорфа. Во-первых, это самодисциплина и правовое самоограничение власти при сохранении ее абсолютного, суверенного характера. Удерживать княжескую власть от скатывания к произволу должны были, по мнению Зекендорфа, «законы Бога, Природы и Империи», которые в исторической обстановке второй половины XVII в. уже приобрели характер скорее моральных обязательств, чем политических императивов. Во-вторых, это утверждение гражданского порядка, при котором «подданные земли» не будут больше принадлежать господину на правах собственности ни лично, ни своим имуществом, но будут управляться как «свободнорожденные», как люди, объединенные «под законным управлением» «для благоденствия своих тел и душ».³⁶

Спустя более чем столетие камералистская доктрина обрела черты стройной социальной философии, впитав в себя положения теории естественного права. Ее предельные основания, пожалуй, наиболее точно были изложены Зонненфельсом, который, заимствуя идеи Ж.-Ж. Руссо, представил государство как служащее «наилучшему общественному благу» «моральное тело», вбирающее в себя в процессе развития все предшествующие формы социальных общностей: «Большое общество (*die grosse Gesellschaft*) — это государство (*der Staat*). Переход к нему дал членам [этого общества] новое имя, перегруппировал людей, ставших гражданами (*Bürger*), в новых соотношениях, сделав их существами, которые в силу природы выбранного ими самими статуса теперь выступают как части относительно целого (*Ganzen*), как члены (*Glieder*) одного морального тела (*sittlichen Körper*). Результат такого соглашения — это единство конечной цели, единство воли, единство

³⁶ Seckendorff V. L. von. *Teutscher Fürsten-Staat*. Jena, 1754. S. [80], 58.

силы».³⁷ Центральная для камерализма идея «социального» государства, тождественного гражданскому обществу, — это одновременно идея государства-демиурга, по сути, впервые создающего настоящее общество. Камералистский идеал государства — это не просто абсолютистское государство, медленно сдающее позиции новым историческим силам или поддерживающее пресловутое «равновесие» классов, но абсолютистское государство, активно преобразующее общество, осуществляющее его гражданскую унификацию.

Вопрос о том, как в реальном ходе истории эта доктрина соотносилась с практикой, остается во многом открытым; полемика Раева и Уэйкфилда также сохраняет свое значение. В рамках данной статьи у нас не было возможности рассмотреть и вопрос о том, какой оборот камерализм принял и какие последствия

он имел в России — в стране с кардинально отличными от германских условиями развития, где его влияние к тому же ощущалось дольше всего. Однако в качестве предварительного вывода можно заключить, что историческая оценка камерализма, по-видимому, не должна однозначно отвечать на вопрос о том, в каком отношении он находился к буржуазной эволюции с точки зрения своей конкретной хозяйственной практики, ускорял или тормозил развитие капитализма в экономике. Прогрессивную историческую роль камерализма следует видеть в несколько иной плоскости — в разработке жестких, форсированных методов культивирования отношений и социальных практик хорошо организованного гражданского общества, занятого целесообразным трудом и восприимчивого к новым возможностям развития.

Ключевые слова: *камерализм, Policywissenschaft, государство, общество, политика, абсолютизм*

Konstantin I. Zubkov

Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: zubkov.konstantin@gmail.com

CAMERALISM AS A MODEL OF INTERACTION BETWEEN THE STATE AND SOCIETY: A NEW VISION

The article is meant to provide an analysis of the German Cameralism in the context of the historical conditions of the 17th–18th centuries, bringing to light its geopolitical, societal, and intellectual characteristics. The content of the cameralist doctrine is presented based on the critical analysis of various ambiguous and disputable views on its nature in the literature on the subject of later periods. Significant attention is paid to the central concept of cameralism — *Policywissenschaft* — which is conceived now as a prototype for the modern ‘welfare state’ policies and other promising ideas elaborated within the institutional approach to the national economy. In close relation to the historical review of the Cameralism concept, a new perspective is proposed for explaining the social nature of the absolutist states of the 17th–18th centuries as being a ‘symbiotic’ societal order not evolving into capitalism in a straightforward way but rather laying the preconditions for it through the forced and state-led transformation of social structures. Thus, the Cameralism idea is viewed as an early attempt to create an organized society by the state’s efforts. It is argued that such a way of societal evolution was an inherent feature of the Enlightenment’s social philosophy.

Key words: *cameralism, Policywissenschaft, state, society, politics, absolutism*

REFERENCES

Chaunu P. *Tsivilizatsiya Prosveshcheniya* [The civilization of the enlightenment]. Ekaterinburg: U-Faktoriya Publ.; Moscow: AST MOSKVA Publ., 2008, 688 p. (in Russ.).

Dyakonov I. M. *Puti istorii: ot drevneyshego cheloveka do nashikh dney* [Path of history: from the primitive man to the present day]. Moscow: KomKniga Publ., 2007, 384 p. (in Russ.).

³⁷ Sonnenfels J. von. Grundsätze der Polizey, Handlung, und Finanz: Zu dem Leitfaden des politischen Studiums. Fünfte, vermehrte und verbesserte Auflage. Wien, 1787. S. [10], 4, 5.

Georgiy Gemist Plifon. *Vizantiyskiy vremennik* (Byzantine Vremennik), 1953, Vol. 6, pp. 386–414. (in Russ.).

Gloveli G. D. *Istoriya ekonomicheskikh ucheniy* [History of economic thought]. Moscow: Yurayt Publ., 2011, 742 p. (in Russ.).

Hull I. V. *Sexuality, State and Civil Society in Germany, 1700–1815*. Ithaca: Cornell University Press, 1996, 467 p. (in English).

Istoriya ekonomicheskikh ucheniy [History of economic thought]. Moscow: INFRA-M Publ., 2001, 784 p. (in Russ.).

Lakhman V. *Ekonomika narodnogo khozyaystva: Osnovy i problem* [National economy. Basics and challenges]. Moscow: Volters Kluver Publ., 2008, 448 p. (in Russ.).

Mayburd Ye. M. *Vvedenie v istoriyu ekonomicheskoy mysli. Ot prorokov do professorov* [Introduction to the history of economic thought. From the prophets to professors]. Moscow: Delo; Vita-Press Publ., 1996, 544 p. (in Russ.).

Mihalache A. *Masaryk Journal of Law and Technology*, 2008, № 2, pp. 201–207. (in English).

Raeff M. *American Historical Review*, 1975, Vol. 80, № 5, pp. 1221–1243. (in English).

Raeff M. *The Well-Ordered Police State: Social and Institutional Change Through Law in the Germanies and Russia, 1600–1800*. New Haven: Yale University Press, 1983, 284 p. (in English).

Rothbard M. N. *Who Were the Cameralists?* Available at: <http://mises.org/daily/5901/> (accessed 10 June 2013). (in English).

Schmitt C. *Leviatan v uchenii o gosudarstve Tomas Gobbsa* [Leviathan in the doctrine of State Thomas Hobbes]. St. Petersburg: “Vladimir Dal” Publ., 2006, 300 p. (in Russ.).

Schumpeter J. A. *Istoriya ekonomicheskogo analiza* [History of economic analysis]. St. Petersburg: Ekonomicheskaya shkola Publ., 2004, Vol. 1, 496 p. (in Russ.).

Small A. W. *The Cameralists: The Pioneers of German Social Polity*. Kitchener, Ontario: Batoche Books Publ., 2001, 544 p. (in English).

Wagner R. E. *Handbook of the History of Economic Thought: Insights on the Founders of Modern Economics*. N. Y.; Dordrecht; Heidelberg; L.: Springer Publ., 2012, pp. 123–136. (in English).

Wakefield A. *The Disordered Police State: German Cameralism as Science and Practice*. Chicago: University of Chicago Press, 2009, 226 p. (in English).